

„Власть тьмы“ въ культурной средѣ

Когда пьеса Л. Толстого «Власть тьмы» шла въ первый разъ на сценѣ Малаго театра, мнѣ пришлось быть въ Москвѣ, и послѣ этого памятнаго «перваго» представленія я слышалъ въ обществѣ по поводу пьесы такіе возгласы: «Какая тьма невѣжества! Какая грубость нравовъ! Какая жестокость!.. Это — какіе-то звѣри, а не люди! Ужасъ! Ужасъ!..» Такимъ образомъ, оказывалось, что нѣкоторые наши культурные люди, кромѣ невѣжества и жестокости, ничего не увидали въ пьесѣ Толстого, хотя она вовсе не представляетъ собою безпросвѣтнаго «темнаго царства».

Подобные же возгласы, сопровождаемые ахашемъ и оханьемъ, намъ постоянно приходится слышать въ обществѣ по поводу газетныхъ корреспонденцій, повѣствующихъ о какой-нибудь дикой расправѣ въ крестьянской средѣ. Подобный фактъ подхватывается на-лету, каждымъ по своему комментируется и сопровождается краснорѣчивыми восклицательными знаками и многоточіемъ. Иные изъ нашихъ публицистовъ (даже изъ прогрессистскаго лагеря) за послѣдніе годы стали проявлять особенную склонность строить на этихъ грустныхъ фактахъ весьма широкія обобщенія. Сообщается, напр., въ газетѣ о томъ, что въ такой-то деревнѣ крестьянинъ въ пьяномъ видѣ, или, выражаясь судебнымъ жаргономъ, въ запальчивости и раздраженіи, жестоко истязалъ жену, — и у публициста тотчасъ же срывается съ пера цѣлый потокъ фразъ: «Мужикъ — звѣрь... Вотъ онъ — полюбуйте на него! Вотъ она — прославленная, хваленая деревня!» — и тутъ ужъ отъ рыпныхъ публицистовъ достается всему народу.

Каждое темное пятно на фонѣ крестьянской жизни эти «старатели» еще размазываютъ для большей внушительности. «Мужики» г. Ап. Чехова дали этимъ господамъ прекрасный

поводъ высказать по адресу народа много «горячихъ, прочувствованныхъ словъ». Они, можно сказать, смаковали «мужиковъ» г. Чехова; цитировали, выписывали изъ разсказа цѣлыя страницы и, захлебываясь отъ восторга, выкликали: «Тьма! Невѣжество! Грубость! Жестокость!..» (Художнику, каковъ г. Чеховъ, иногда, помимо его воли, приходится оказывать услугу тѣмъ людямъ, о которыхъ онъ всего менѣе думалъ, при созданіи своего произведенія, и которымъ менѣе всего желалъ бы доставить удовольствіе).

Если послушать нѣкоторыхъ публицистовъ, изучающихъ народную жизнь изъ оконъ своего кабинета да на редакціонныхъ собраніяхъ, и если повѣрить ихъ болтовнѣ, то можно, пожалуй, придти къ тому заключенію, что на сторонѣ народа — въ деревнѣ неограниченное господство «власти тьмы», дикій разгулъ стихійныхъ силъ — звѣриныхъ инстинктовъ, безпробудное пьянство, распутство и всевозможные пороки, а на сторонѣ культурнаго общества — уже подразумеваются — развитый интеллектъ, царство разума, гуманность, добрые нравы и самыя что ни на есть блестящія добродѣтели, однимъ словомъ, освобожденіе изъ-подъ «власти тьмы».

Это — въ теоріи, и — должно признаться — подобная теорія, если принять въ расчетъ историческій ходъ событій и настоящія условія жизни, не представляетъ собой чего либо неправдоподобнаго. Но, тѣмъ не менѣе, при ближайшемъ изученіи и сравненіи «мужиковъ» съ людьми культурными, поразительныхъ контрастовъ въ родѣ вышеприведенныхъ въ дѣйствительности вовсе не оказывается.

Все это — «Власть тьмы» Л. Толстого, и возгласы по поводу ея, и кривлянье нашихъ критиковъ-публицистовъ — припомнилось мнѣ на дняхъ, когда я пробѣгалъ въ газетѣ («Сынъ Отеч.» № 329) отчетъ объ искѣ, предъявленномъ Евгеніей Львовной Петри къ своему мужу, профессору с.-петербургскаго университета, Эдуарду Юрьевичу Петри.

Дѣло (и, признаться, весьма возму-